

Пролог

Нет ничего лучше лета на море.

Теплое солнце, ласковый бриз, мягкий зернистый песок, в который зарываешься пальцами ног. Запах соли и крема от загара, бесконечная музыка волн, разбивающихся о берег.

Купание, смех и прогулки по пирсу. Мороженое, роллы с лобстером, соленые ириски. Ленивые дни, поздние вечера и сон до полудня.

Мое лето из года в год проходило одинаково — и это было прекрасно.

В нем всегда было место дружбе. Но не любви.

До сих пор.

Это лето стало другим.

июнь

Глава 1

Плейлист «Конец эпохи»

В прошлом году ко всем фотографиям в школьном альбоме решили добавить подписи. Ну, знаете, как обычно бывает: парень, который вечно дрыхнет на алгебре, — «Главный по опозданиям», а популярная девчонка, всегда одетая с иголки, — «Икона стиля».

Мама с папой до сих пор вспоминают, как в выпускном классе их фото подписали «Самая милая пара», так что затея не нова. Просто в старшей школе «Кингфишер» такого раньше не делали. Не знаю, с чего вдруг начали, но, надо признать, почти все подписи попали в точку.

Взять хоть мою лучшую подругу Кэт. Под ее фотографией значится:

КЭТ БАРЛОУ
ТОЧНО ПОЛЕТИТ НА МАРС

Парню, по которому мы с Кэт сохнем целую вечность, тоже досталась крутая подпись:

МАЙЛЗ ФОРД
БУДУЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ

А я? Под моей фотографией написано:

АМЕЛИЯ МЭДДЕН

И все. Ни «лучшая», ни «будущая», ни хоть какая-нибудь.

Кэт, когда увидела, расสวิрепела:

— Какого черта? Почему не «Амелия Мэдден, чемпионка по сну до обеда»? Или не «Спасительница океана»? Дурацкая затея. И что это за «полетит на Марс»?

— Это значит, что вся школа в курсе: если ты что-то вбила себе в голову, то так просто не выкинешь, — ответила я. — Даже если в один прекрасный день проснешься и решишь: «Хочу в космос», то не успокоишься, пока не полетишь.

Кэт улыбнулась — на долю секунды, польщенная, — но тут же нахмурилась, вспомнив, что вообще-то злитя: кроме ее лучшей подруги, никого в параллели десятых классов не обделили! Я напомнила ей, что бывает и хуже: вон, под фоткой Поппи Адэйр значилось: «Проспит землетрясение». Так себе комплимент, еще и имя написали с ошибкой.

Мило, конечно, что Кэт за меня вступилась, но, если честно, меня эта история с подписью не особо задела. Я не против оставаться в тени. Всегда считала, что это мне же на руку. Так никто не замечает, когда я опаздываю на первый урок, прихожу со здоровенным прыщом на лбу или очередной дурацкой стрижкой (челка в восьмом классе была полной катастрофой). А главное — никто не видит, как я краснею всякий раз, когда Майлз Форд проходит по коридору.

Тех, кого замечают, потом еще и обсуждают — за спиной, конечно. Нет уж, я пас: лучше оставаться незаметной, чем стать предметом сплетен. Не то чтобы я давала какие-то поводы для перешептываний — но ведь у меня все впереди!

Я листаю альбом, пока жду Кэт. Устроилась на своем любимом месте в комнате — у распахнутого окна. Отсюда океан виден как на ладони и слышно, как ритмично, одна за другой, накатывают на берег волны. Тонкие шторы, которые мама повесила в прошлом году, треплет морской ветер. Я заты-

каю одну за спину, чтобы не мешала, и переворачиваю страницу.

Открываю раздел «Спорт». Он занимает приличную часть альбома. А вот и Майлз — сразу на нескольких снимках: с баскетболистами, с легкоатлетами. Я зависаю на пару секунд, мечтательно разглядывая фото — кажется, даже заливаюсь краской. Но если никто этого не видит, значит, не считается. Главное — не палиться, друзья мои. Уж поверьте.

Старший брат Майлза — в самом центре коллажа с осеннего матча по американскому футболу. Улыбается во весь рот — еще бы, только что королем бала* выбрали. Пожалуй, он даже симпатичнее Майлза — если такое вообще возможно. Через месяц уезжает в колледж, и не куда-нибудь, а в Калифорнию.

Но даже если Мэтт действительно красив, то Майлз — очарователен. Дело не только в голубых глазах и ямочках на щеках. Он просто искренний, приветливый, внимательный — и при всей своей бешеной популярности совершенно не задается. Узнал, что у школьного уборщика сломалась машина, — тут же организовал благотворительную автомойку, чтобы собрать на ремонт. Когда завуч О'Мэлли на линейке споткнулась и растянулась прямо на сцене, Майлз первым подскочил и помог ей встать. Так что корону вслед за братом примет он, тут и гадать нечего. Он на год старше нас с Кэт — как раз перешел в выпускной** класс.

А кто станет его королевой на осеннем балу? Это тоже должна быть выпускница? Скорее всего, да.

* На осеннем празднике Хоумкаминге (англ. *Homecoming* — букв. «возвращение домой»), традиционном торжестве в американских школах и колледжах, проходят встречи выпускников прошлых лет, матч по американскому футболу и бал, на котором выбирают короля и королеву. — Здесь и далее примечания переводчика.

** В американской образовательной системе старшие классы начинаются с девятого класса, а двенадцатый — выпускной.

Я еще только в одиннадцатый класс перешла, но это и неважно: все равно я не настолько крутая или заметная, чтобы такой парень, как Майлз Форд, обратил на меня внимание. Судите сами — иногда я встречаю на улице кого-нибудь из школы и человек пару секунд пытается вспомнить, кто я такая, пока не осознает: «А, ну да, ты же подружка Кэт».

Я только улыбаюсь и киваю, потому что:

1) так и есть, мы с Кэт — две половинки одного целого, и порознь нас почти не застать;

2) Кэт любит быть в центре внимания, и нас обеих это полностью устраивает.

Листаю дальше. Вот Кэт исполняет свою убийственную подачу. Звезда теннисной команды! Точнее, была звездой, она ведь уезжает. В том году команда добралась до первенства штата — по большому счету это заслуга Кэт. И я все матчи ее поддерживала. Сама я в теннисе не разбираюсь, но даже мне понятно, что Кэт — одна из сильнейших теннисисток в «Кинг-фишере».

Быстро переворачиваю страницу. Только не раскисать! Только не сегодня, когда впереди такой вечер! Поплакать и пожалеть себя я успею завтра, когда она уедет. И послезавтра. Собственно, у меня в запасе целое лето одиночества.

Наконец я нахожу несколько снимков, где мы с Кэт вдвоем. Вот один, наверху страницы «Искусство и музыка». Мы демонстрируем керамические изделия, которые сделали на уроке. Кэт выше меня, с идеально прямыми платиновыми волосами, которые привлекают взгляды куда сильнее моих волнистых каштановых. На ней ее любимая розовая юбка — для школы коротковата, но ей за это почему-то ни разу не влетело, — а я в привычных футболке и шортах. Она держит миску, а я... Кажется, должна была получиться ваза? Кошусь на шкаф: наверное, это уродство до сих пор погребено где-то там под

обувью и мягкими игрушками, с которыми я давно не сплю, но выбросить их рука не поднимается.

А вот фото в разделе «Наука»: мы за столиком в самый разгар научной ярмарки. Идея проекта — «Почему некоторые морские организмы светятся?» — была моей, но говорила в основном Кэт, и снимок попал в альбом, потому что она тут как раз объясняет директору школы, что такое биолюминесценция. Мы сразу договорились, что презентовать проект буду я — как главная фанатка науки. Но стоило подойти первому судье, как я от волнения начала запинаться и путать слова, поэтому Кэт, спасибо ей, взяла удар на себя.

А это мое любимое фото: мы хохочем на улице в обеденный перерыв. В середине года наша главная повариха вернулась на работу после декретного отпуска, и ей стукнуло в голову оздоровить школьное меню. Бургеры сменились котлетами из батата, а «завтрак на обед» (лучшие в мире булочки с подливкой*!) превратился в замоченную с вечера овсянку и яйца вкрутую.

В тот день как раз был первый «индюшачий вторник» (покойся с миром, «тако-вторник», мы тебя любили). Мясо — ну, так называемое мясо — было до того сухим и пресным, что в рот не лезло, и Кэт швырнула его в урну.

— Нет, серьезно, чем миссис Йейтс думает? Эта индейка — полная дичь. — Кэт замерла с дурацкой улыбкой, ожидая, когда мы заржем. — Дошло? Дичь! Индейка же птица!

Я засмеялась первой, а когда один из сидевших с нами парней признался, что все равно не врубился, мы обе зашлись беззвучным смехом до хрипа. Самого смешного на фото нет, но я-то никогда не забуду: мы только-только отдышались, а Кэт

* Булочки с подливкой — традиционный завтрак на юге США: несладкие пышные булочки из слоеного теста, которые подают под густым белым соусом на основе обжаренного мясного фарша или колбасы, муки и молока.

закулдыкала, как индюк, — так нелепо, что я опять прыснула и лимонад брызнул у меня из носа. Окружающие косились на нас как на чокнутых, но мы всегда были такими: вдвоем в своем пузыре, против всего мира.

— Ты чего ржешь?

Поднимаю глаза: в дверях моей спальни стоит Кэт. Желтый сарафан, оттеняющий волосы, и прозрачная белая рубашка с длинным рукавом, повязанная вокруг талии.

Я расплываюсь в улыбке и поднимаю альбом:

— Помнишь, как ты превратила меня в лимонадный фонтан?

Она смеется:

— Такое забудешь!

Откладываю альбом, поднимаюсь, разглаживаю руками любимые шорты из обрезанных джинсов. Вообще-то я тоже подумывала надеть сегодня платье — в честь последнего вечера Кэт в городе, — создать видимость, что у меня праздничное настроение, хотя на душе кошки скребут. Но в итоге выбрала то, в чем мне удобнее всего: шорты, майка, биркенштоки. Что-то, а постоянство — мое второе имя.

— Точно все еще хочешь уехать? Как ты выживешь без «индюшачьих вторников»? — Кэт не передумает — уже поздно, — но как же я этого хочу. Растягиваю губы в самой широкой и убедительной улыбке. — М-м-м, дичь.

Она театрально прижимает руку к сердцу:

— Не усложняй, и без того тяжело! — И уже серьезнее добавляет: — Не знаю, как я вообще переживу нашу разлуку. Пообещай еще раз, что мы будем переписываться каждый день.

Да, Кэт уезжает — и даже раньше времени. «Херитидж-Преп», пафосная школа с элитной теннисной программой, ради которой она перебирается на север штата Нью-Йорк,

откроется только осенью. Но ее папа вроде как хочет, чтобы она пораньше начала заниматься с тренерами.

На дворе июнь. Лето — лучшее время года — только начинается. А Кэт здесь не будет.

— Я не помню буквально ни одного лета, которое мы провели бы порознь, — говорю я, отворачиваюсь, шурю в сторону океана и твержу себе: не реветь, не реветь, не реветь. Считать ли везением то, что ее отъезд — пока худшее, что случилось со мной в жизни? Пожалуй. Но от этого не легче.

Ловлю отражение Кэт в стекле. И если не считать того момента, когда она впервые огорошила меня новостью, что уедет раньше, впервые вижу ее по-настоящему расстроенной. Знаю, как сильно Кэт ждет этого приключения, и винить ее тут не в чем. И все-таки приятно убедиться, что она будет скучать. Я разворачиваюсь и быстро обнимаю ее:

— Забудь о том, что я ляпнула. Никаких слез.

— Ладно, ладно. — Она шмыгает носом и кивает. — Так чем сегодня займемся?

Отступаю на шаг, потираю руки. Стартуем позже, чем хотелось бы, но не злиться же на маму Кэт за то, что ей хотелось напоследок накормить дочь домашним ужином!

— У меня все продумано. Все наши любимые места. Селфи на закате, качели, мороженое на пирсе. Потом сюда — кино и попкорн. Но сначала — на пляж, к дюнам. Как раньше, помнишь?

Она расплывается в улыбке:

— Звучит идеально.

Я поднимаю телефон и покачиваю им:

— А еще я собрала нам плейлист. Абсолютно шедевральный.

— Кто бы сомневался. — Кэт шутливо закатывает глаза.

У меня чуть ли не на любой случай собран плейлист. Если подумать, так и надо было написать под фото в альбоме:

АМЕЛИЯ МЭДДЕН **КОРОЛЕВА ИДЕАЛЬНЫХ ПЛЕЙЛИСТОВ**

Хватаю любимый свитшот — серый оверсайз с большой синей вышитой надписью «КЕЙП-КОД» — и сумку-шопер, где лежит мой фиолетовый инстакс. Открывая заднюю дверь, кричу маме, что мы ушли. Ответа не жду — мы уже выходим на прохладный морской воздух. В июне еще не жарко, а как сядет солнце, станет совсем свежо. Легкий холодок на коже приятен, и все же скорее бы первый по-настоящему знойный летний день!

Мой дом — крохотный коттедж у самой воды на тихом краю пляжа. Ничего особенного, но стоит целое состояние: место шикарное. Мы тут живем уже не одно поколение, и я рада, что родители дорожат родовым гнездом и ни за что его не продадут. Нет ничего лучше, чем вдыхать соленый воздух через открытое окно, а по ночам смотреть на звезды над водой.

Спускаемся по деревянным ступеням террасы, идем по тропинке через клочок прибрежной травы, минуем гряду здоровенных валунов и только потом выходим на песок. Сворачиваем налево — к безлюдной полосе берега и дюнам. Как раньше. Не помню, когда именно мы перестали так делать и начали ходить направо — туда, где кипит жизнь: к пирсу, пристани, ресторанам и кострам. Теперь же, стоит снова свернуть налево, и накрывает то самое, ни с чем не сравнимое чувство: будто заново открываешь для себя что-то давно забытое. Будто после нескольких унылых дождливых дней выглянуло солнце.

Добираемся до нашего излюбленного места. Его ни с чем не спутать: вот она, гряда камней, торчащих из воды. Мы с Кэт

любили смотреть, как на них садятся чайки и затем взмывают обратно в небо. И теперь кажется, будто бы мы никуда и не уходили.

Мы машинально плюхаемся на песок и вытягиваем ноги. Вот так же мы сидели, когда мне было девять лет: умерла бабушка, и мне не хотелось торчать в тесном доме среди родни, которую я толком не знала. Здесь мы планировали десятый день рождения Кэт — это до сих пор самый эпичный спа-день в моей жизни! А в последний раз, насколько я помню, приходили сюда, когда мне было тринадцать и у меня наконец начались месячные. Кэт притащила меня на берег, божесть, что соленая вода помогает от спазмов. Не помогла. А вот компания подружки, которой можно пожаловаться, — еще как.

После этого мы ходили только направо. Может, из-за того, что Майлз стал часто играть в пляжный волейбол с парнями у пирса, а может, из-за того, что там открылась новая кафешка с мороженым.

А может, мы просто решили, что слишком взрослые.

Достаю свой инстакс, прижимаюсь плечом к Кэт и щелкаю наши лица крупным планом. Выползает крошечный снимок, еще не проявленный. Прячу его в сумку вместе с фотиком. Потом спрашиваю:

— Как думаешь, по чему из нашего лета ты будешь сильнее всего скучать?

Мне и в голову не приходит, что можно хотеть чего-то другого.

Кэт подтягивает колени к груди и опускает на них голову.

— Ты же не хотела, чтобы я плакала.

— Тогда любимое летнее воспоминание? Что-нибудь радостное. — Секунду думаю, расплываюсь в улыбке и выпаливаю первое, что приходит в голову: — Например, наш песочный замок в форме мороженки?

Она отрывисто хохочет:

— Это тот, на который я наступила, споткнулась и рухнула? Три часа работы коту под хвост, нас еще и сняли с конкурса!

Я киваю, хихикая:

— Мы тогда так ржали, что у меня два дня пресс болел.

— Ну да, ты же клянчила у судьи поощрительный приз за лучший отпечаток задницы на песке!

Вышло это совершенно случайно: нога Кэт ушла в рыхлый холмик песка, и она потеряла равновесие. Но, осознав масштаб бедствия, ужасно расстроилась. Мало кто на свете так ненавидит проигрывать. Когда Кэт бормотала, как ей жаль, я по дрожи в ее голосе поняла: сейчас расплчется. А плакать при всех она терпеть не может. Вот я и пошутила про утешительный приз — лишь бы ее отвлек.

Сработало. И даже если бы я не оставила себе на память одну из лопаток для песка, мы бы все равно никогда не забыли этот день.

— Теперь ты, — подначиваю я.

Кэт подается вперед, проводит пальцами от сухого песка к влажному у самых ног. Косится на меня с хитрой усмешкой.

Я смеюсь и предполагаю:

— Смотреть, как Майлз играет в пляжный волейбол?

Она с жаром кивает, но тут же выпячивает нижнюю губу.

— С ума сойти: могла бы этим летом работать с ним вместе — и пролетаю, — говорит она.

Еще в конце учебного года мы решили устроиться на лето в «Пёрлз» — популярный рыбный ресторанчик у самой воды. Мне не терпелось дорасти до чего-то посерьезнее работы с папой в продуктовом, а Кэт... ну, Кэт хотела заработать на дизайнерские купальники. Это было еще до того, как она поступила в «Херитидж-Преп» и надумала уехать пораньше. На пробной смене в выходные выяснилось, что Майлза туда тоже только

что взяли, и весь инструктаж мы, по сути, так и вились вокруг него с сердечками в глазах.

Я подталкиваю Кэт плечом:

— А может, останешься? Спасешь меня от позора, не дашь стать посмешищем всего Кингфишер-Коув...

Она улыбается, качает головой:

— Официантка из тебя выйдет отличная.

Даже если она права, мне все равно не по себе. Братся за что-то новое без нее... Не помню, когда в последний раз такое случалось.

Я молчу, и она добавляет:

— Ты покоришь всех обаянием и остроумием, а в дураках останутся только симпатичные парни, которые от твоей красоты так оробеют, что побоятся попросить телефончик. — Тут она осекается, косится на меня и поднимает мизинец. — Я имею в виду приезжих. Пакт в силе, даже если меня здесь нет.

Я молча смотрю на нее в упор. Она прекрасно знает, что к пакту я отношусь не менее серьезно, чем к своим плеилистам, так что напоминать про него просто смешно. Несколько лет назад, летом после седьмого класса, мы с Кэт застали бурную, на весь двор, потасовку двух старшекласниц. Кончилось тем, что одна окатила другую синим слаши*. Подробностей мы не знали, но было ясно как день: все из-за парня.

В тот вечер Кэт долго не могла успокоиться: ее не отпускала мысль, что с нами может приключиться такое же, тем более что мы обе были по уши влюблены в Майлза.

Я-то не сомневалась, что никакой парень не встанет между нами. Но Кэт упрямо твердила: какими бы мы ни были сейчас, со временем все может измениться.

* Слаши, или слаш, — популярный американский десертный напиток из мелко наколотого или подтаявшего фруктового льда.

— Мы-то, может, и изменимся, — отрезала я. — А вот это — нет.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Просто знаю. Обещаю никогда не позволить парню встать между нами. И уж тем более — Майлзу Форду. Для меня он — запретная зона.

После этих слов Кэт заметно повеселела.

— Я тоже обещаю, — сказала она. — Майлз Форд под запретом.

Прошло несколько лет, а слово мы держим, хотя ни у одной из нас никогда и не было реального шанса встречаться с Майлзом.

И все-таки я закатываю глаза и протягиваю руку. Мы с Кэт сцепляем мизинцы, заново скрепляя давнюю клятву.

— Это, — говорю я, — само собой разумеется.

Глава 2

Плейлист «Я не это имела в виду»

Двадцать минут спустя мы шлепаем по мелководью и все еще вспоминаем прошлое. Уже обсудили ежегодный «Саммер-фест», прогулки на лодке, фейерверки над водой в День независимости. Честно, каждое лето в Кингфишер-Коув у нас было эпичным, хоть всю ночь вспоминай.

Я была бы не против.

— Ой! — вскрикивает Кэт, напугав бредущую вдоль берега парочку. — А помнишь, как мы нашли Марджерин?

Марджерин — моя милая дворняга, помесь палевого лабрадора неизвестно с кем. Мы с Кэт выбрали ее за продуктовым несколько лет назад, грязную и голодную.

— Она была такой лапочкой, — вспоминаю я. — Сразу забралась к тебе на колени.

— Я так рада, что твои родители согласились ее взять. Когда мой папа отказал, я боялась, что придется отвести ее в приют. Честно, не уверена, что мама вообще ему это простила. Она всегда мечтала о питомце. Может, потому они и разбежались. — Когда речь заходит о недавнем разводе родителей Кэт, она всегда отшучивается. — Зато теперь может завести хоть десяток.

Я уже собираюсь сказать, что ничуть не удивлюсь, если ее мама и правда заведет пару собак. Отец Кэт съехал совсем недавно, а теперь и сама Кэт перебирается к нему, и в полупустом

доме остаются только ее мама и младший брат Люк. Но сказать я ничего не успеваю — сзади окликают:

— Амелия! Кэт!

Оборачиваемся. К нам идет Джейд Фредерик. Как и мы, она только что закончила десятый класс. В альбоме ей досталась подпись «Первой набьет себе тату» — видимо, потому, что за один только прошлый год Джейд проколола себе нос, хрящ в ухе и пупок. Как по мне, перебор, но вслух я такого ни за что не скажу. Она славная, и в прошлом году мы отлично потрудились вместе над проектом по истории, но сейчас Джейд старается держаться своей творческой тусовки.

— Сто лет вас тут не видела.

Совсем вылетело из головы, что она живет поблизости.

— Да, давненько, — говорю я. — Я и забыла, как здесь тихо.

Она смеется:

— Это ненадолго. Вечеринка только начинается.

— Вечеринка? — переспрашивает Кэт.

— Ага. Вон там, по ту сторону дюн. — Она показывает рукой. — Мы нашли идеальное место еще прошлой весной. Целое лето продержались: ничьи родители нас ни разу не застукали. Да и туристы так далеко не забредают.

— Круто, — говорит Кэт.

— Хотите с нами? Там полшколы собирается.

— Не-а, — говорю я ровно в тот момент, когда Кэт выпаливает:

— Да!

Мы переглядываемся. Джейд смеется и пятится, будто не желая попадать под перекрестный огонь.

— Ну, может, еще увидимся.

Когда Джейд отходит подальше и уже не слышит нас, я смотрю на Кэт, пытаюсь понять, не из вежливости ли она согласилась. Сегодняшний вечер — последний — мы собирались про-

вести только вдвоем. Не променяет же она это на какую-то тусовку?..

— Ты не хочешь идти? — спрашивает она, и в ее голосе сквозит разочарование.

Или променяет?

— Дело не в этом, — начинаю я, хотя дело именно в этом. — Просто думала, что сегодня мы обойдем все наши старые места. Такая маленькая капсула времени «Кэт и Амелия», понимаешь?

Она покусывает губу и снова отворачивается к океану.

— Ты хочешь на вечеринку? — спрашиваю.

— Ну... звучит заманчиво. — Она перекидывает светлую прядь через плечо и накручивает на палец. — Мы явно многое пропустили, а для меня это последний шанс посмотреть, что у них там за тусовка. — Видимо, мое лицо все еще выражает сомнение. — Давай заскочим ненадолго? Сделаем селфи на закате. А потом вернемся, навернем попкорна больше, чем сами весим, и будем смотреть кино, пока не вырубимся.

Киваю: не стоит вести себя эгоистично. Хотела ли я, чтобы мы сегодня были только вдвоем? Хотела. Но она права: для нее это последняя возможность посмотреть, что там за тусовка, а уж я-то нынешним летом успею стать душой любой вечеринки (чуть не расхохоталась вслух от одной мысли об этом).

— Ладно, идем.

Она улыбается и обнимает меня за плечи:

— Будем держаться вместе, обещаю.

* * *

Спойлер: держаться вместе у нас не вышло.

И это напрочь выбило меня из колеи, ведь даже на тех немногих вечеринках, где нам приходилось бывать раньше, мы всегда шли в комплекте. Кэт, конечно, общалась активнее и знала,

кажется, вдвое больше народу, но меня она из виду не теряла — то и дело брала под руку, и нам обеим было весело.

Вместе.

Справедливости ради, сегодня Кэт просто не оставили выбора. Джейд не соврала: тут собралось полшколы. Вечеринка набирала обороты и постепенно превратилась в проводы Кэт.

Все, кто ее знает, хотя с ней попрощаться.

Не успели мы прийти, как Кэт утащила Габриэль Йебоа («Самая творческая»). Потом подрулил Таннер Харрис («Главный пранкер») — в кузове его пикапа сидела добрая половина теннисной команды. На несколько минут я вообще потеряла Кэт из виду: ее обступили, наперебой твердя, как будут скучать и как трудно будет без нее снова пробиться на первенство штата. Потом в эту кучу-малу влилась Хлоя Сандерс («Лучшая рассказчица»), и у нее... ну, нашлась какая-то история про то, что стряслось сегодня днем на пирсе. Следующие пятнадцать минут все слушали разинув рты.

Все, кроме меня.

Я прибилась к ребятам из экологического клуба — слушаю, кто как собирается провести лето, но сосредоточиться толком не могу: где-то за спиной то и дело раздается смех Кэт. Натякаясь на Дилана, парня, который работает у папы, но никак не могу выдавить из себя интерес к его монологу о том, чем бирпонг* лучше флипкапа**. В итоге ускользаю за банкой пепси и бреду к одному из здоровенных бревен, разложенных вокруг костра.

Меня перехватывают две девчонки из выпускного класса:

— Эй, ты ведь подруга Кэт?

Я открываю банку газировки.

* Бирпонг — игра на вечеринках, в которой кидают мячик для пинг-понга в стаканы соперника; проигравший выпивает содержимое.

** Флипкап — командная игра на скорость, где нужно выпить из пластикового стакана и щелчком пальцев перевернуть его дном вверх.

— Ага. Амелия.

Та, что повыше, толкает локтем вторую: мол, я же говорила.

— Не видела, куда она делась? Мы с ней были в оргкомитете весеннего бала. Хотели попрощаться.

— Где-то там. — Я показываю примерно туда, где видела Кэт в последний раз. Потом сажусь, старательно делая вид, что меня все устраивает.

Не то чтобы у меня совсем нет друзей — просто... никто из них не сравнится с Кэт. Мы с ней как сестры. Она знает, где что лежит у меня на кухне, и помнит, что до одиннадцати лет я боялась грозы. Мне хватает мимолетного взгляда на ее лицо, чтобы понять, в каком она настроении. Рядом с Кэт я могу быть собой на все сто — порой с ней это удастся мне даже легче, чем с родителями.

Солнце садится. Я натягиваю свитшот, пару секунд промучившись, пока руки не попадают куда надо, высовываю наконец голову из ворота — а рядом сидит Майлз Форд.

Дыхание у меня перехватывает, я моргаю, не до конца веря, что это правда он. Но тут он говорит:

— Привет.

Майлз улыбается, и пульс у меня чуть учащается. Ну то есть как «чуть»... Сердце стучит так, что, боюсь, и ему слышно. Кажется, я никогда еще не оказывалась к нему так близко. Зубы белые, идеальные, глаза — голубые, как ледник, с непозволительно длинными ресницами.

Спокойно, Амелия.

— Э-э, — выдавливаю я, и щеки тут же обдает жаром.

— Ничего, если я тут сяду? — спрашивает он.

Ну конечно ничего. Я бы и фотик свой ему отдала, попроси он. Может, и девственность в придачу. Хотя нет, пожалуй, только фотик. Иначе пакт будет нарушен.

— Конечно, — отвечаю я, но голос звучит слишком уж пискляво.

Майлз в темно-синих шортах и сером худи. Светлые волосы уже чуть отросли — во время учебного года он обычно стрижется короче, — и он пятерней зачесывает их набок. Еле сдерживаю постыдное желание томно вздохнуть и подпереть щеки руками.

Готова поспорить, эти волосы мягкие, как кашемир.

Оглядываюсь и гадаю: неужели место рядом со мной — единственное свободное у костра? Потому что с чего бы иначе Майлзу Форду ко мне подсаживаться?

Мы с детства живем в одном маленьком городке, так что, конечно, пересекались. Но он на год старше и вдобавок Форд, то есть его знают все. В Кингфишер-Коув о Фордах слышал каждый, и любая девчонка в округе хоть когда-нибудь да сохла по одному из трех братьев Форд. В средней школе я бы, наверное, лишилась чувств, посмотри кто-то из них мне в глаза.

Видимо, с возрастом я сделала шаг вперед — вот же, сижу тут и в обморок не падаю. Лицо, конечно, красное, как помидор, я неуклюже скрещиваю и снова выпрямляю ноги, сцепляю руки — и все-таки я в сознании.

В голове тут же всплывает первый (и до сегодняшнего дня единственный) раз, когда Майлз заговорил со мной. Первый день рождественских каникул, девятый класс, 13:17. Я сидела за кассой в продуктовом, где папа работал управляющим, а Майлз пришел с мамой за покупками. На нем была голубая ветровка под цвет глаз с надписью «Сейл Кейп-Код»*, а сам он явно скучал, будто его силой притащили. Заметив меня, он вздернул подбородок и спросил — небрежно, как парни умеют: «Как дела?» Дальше я отключилась. Не буквально — в обморок я и тогда не грохнулась, — но не уверена, выдавила ли

* В переводе с англ. — «под парусом на Кейп-Код». Также Sail Cape Cod — это название известной некоммерческой парусной организации на полуострове Кейп-Код в США.

хоть слово, кроме «с вас тридцать два доллара шестьдесят пять центов», когда пробила их покупки. Да, точную сумму я помню до сих пор: они забыли чек, а я оставила его на память о том судьбоносном мгновении.

— Как дела? — спрашивает он точь-в-точь как в тот день.

Дышать в такие моменты крайне рекомендуется, так что я делаю вдох и приказываю себе ответить как нормальный человек.

— Неплохо. — Ну вот, не так уж и сложно. Правда, глаз я от костра не отрываю: не уверена, что смогу одновременно смотреть на Майлза и говорить связно. — А у тебя?

— Тоже. Готова поработать в «Пёрлз»?

А. «Пёрлз». Вот, значит, зачем он ко мне подсел.

— Вроде да, — говорю я, поблагодарив темноту за то, что ему не видно моих пылающих щек. — Официанткой работать — это, конечно, не продукты на кассе пробивать, но хотя бы болтать с посетителями я уже научилась. — Черт, если я могу вот так, с ходу, перекинуться парой слов с Майлзом Фордом, то в ресторане справлюсь с чем угодно. Так держать, Амелия. Молодец. — А ты готов?

Вообще-то я хорошо умею слушать, честное слово. Особенно кого-то вроде Майлза, в которого я влюблена всю жизнь. Но ровно в тот миг, когда он отвечает, краем глаза я замечаю желтый сарафан Кэт. Она подбегает к кому-то, кто только что явился, и бросается их обнимать. И в эту секунду даже соседство с Майлзом Фордом не способно поднять мне настроение — а это, поверьте, о многом говорит. А оттого, что мы обсуждаем «Пёрлз», делается совсем тошно. Сегодня Кэт меня бросила, соскочила с нашей летней работы, так еще и учиться в следующем году будет в другой школе.

Кажется, Майлз и сам об этом заговаривает — краем уха я улавливаю: «...ну, с отъездом Кэт и все такое». Приказываю себе сосредоточиться. Он что, переживает, что в ресторане ста-

нет на одного человека меньше? Я даже не задумывалась, что смены, которые закрепили за Кэт, придется кем-то закрывать — неужели это ляжет на нас с Майлзом?

Хотя какая разница — все равно тусоваться мне тут больше не с кем.

— ...номер?

Я оборачиваюсь к нему ровно в тот момент, когда он, договорив, протягивает мне телефон.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить, что он сказал, пока я витала в своих мыслях. Когда наши взгляды встречаются, у меня внутри все переворачивается, и я опускаю глаза на светящийся экран. И тут же соображаю: Майлз, наверное, просит мой номер — вдруг придется меняться сменами или возникнут вопросы по работе.

— А, конечно, — говорю я и беру телефон. Там уже открыт пустой контакт, так что я на удивление твердой рукой записываю свой номер и отдаю телефон обратно.

— Спасибо. — Майлз с улыбкой поднимается. — Значит, увидимся на следующей неделе?

— Ага, — подтверждаю я.

Смотрю ему вслед, понемногу успокаиваясь с каждой секундой. До меня доходит: в других обстоятельствах я бы, наверное, обалдела от того, что Майлз Форд попросил мой номер. Хотя такого в принципе случиться не может: ну в каком мире я вообще могла бы заинтересовать Майлза Форда?

Да и потом, даже если бы мир перевернулся вверх тормашками и я бы понравилась ему — ну, в смысле по-настоящему, — я бы ни за что так не поступила с Кэт. У нас пакт.

И неважно, что она бросила меня в наше последнее лето или игнорировала на вечеринке, — я никогда не нарушу обещание, данное лучшей подруге.

Никогда.

Глава 3

Плейлист «Отстаньте все, этот день меня добил»

Вечеринка к этому моменту превращается в настоящий рейв, и я готова сваливать. От второго в жизни разговора с Майлзом я (более-менее) отошла, но настроения с кем-то общаться все равно никакого. Мы основательно тут застряли, а планировали «ненадолго».

Кэт все еще кочует от компании к компании. Каждый раз, когда я думаю, что вот сейчас она меня отыщет и скажет, что готова уходить, — к ней снова подтягивается народ. Скрестив руки на животе, я снова пробираюсь к столу с напитками и недоумеваю: с чего ей вдруг понадобилось тусить с этими людьми? Они же понятия не имеют, что до четырнадцати лет она мечтала стать прима-балериной (хотя танцами не занималась ни дня). Или что первым, с кем она целовалась, был Джейк Мэллори (но она говорит всем, что Расселл Харрис).

Я роюсь в термобоксе, ищу еще одну пепси среди банок «Бад Лайт». Пытаюсь придумать, под каким бы предлогом улизнуть отсюда с Кэт. Пиво я не пробовала ни разу. Убеждаю себя, что дело в мерзком запахе (он и правда мерзкий), но на самом деле я просто трусиха: слишком боюсь нарушить закон.

Выпрямляюсь. По другую сторону стола стоит парень и кивает на газировку у меня в руке:

— Там есть еще такая?

Я его не узнаю. Значит, либо новенький, либо приезжий. Подумываю шепнуть, чтобы не проговорился, если он не отсюда: Джейд его тогда в два счета выставит.

Парень худой, высокий, и мне приходится задрать голову, чтобы поймать его взгляд — глаза, кажется, карие. Он стоит спиной к костру, лицо в тени, толком не разглядеть. Темные волосы короткие, будто только-только отрастают после стрижки под машинку, и я гадаю, не из той ли он военной школы-интерната в Коннектикуте. Большинство знакомых мне парней специально отращивают волосы, чтобы вечно их ерошить и эффектно откидывать со лба, выходя из воды на пляж.

Да, иногда это выглядит сексуально — особенно когда так делает Майлз. Но у остальных получается неестественно и фальшиво.

Понятия не имею, какое из слов применимо к этому парню. Сексуальный? Неестественный? Фальшивый? А может, все сразу — кто его знает.

Решив, что слишком устала, чтобы во всем этом разбираться, я протягиваю неоткрытую банку:

— Держи. Я все равно уже ухожу.

Он и не думает брать — сует руки в карманы темно-синего худи на молнии и изображает разочарование, но уголки губ подрагивают в дразнящей усмешке.

— Серьезно? А я только пришел.

Я склоняю голову набок. Он что, флиртует со мной?

— А ты кто?

Он ухмыляется, словно только и ждал, когда его попросят представиться:

— Грегори Маклафлин. — И протягивает руку.

Я ее пожимаю и на секунду опускаю взгляд. Его ладонь крупнее моей, кожа темнее, на вид — грубее, чем на ощупь. Снова поднимаю глаза к его лицу: